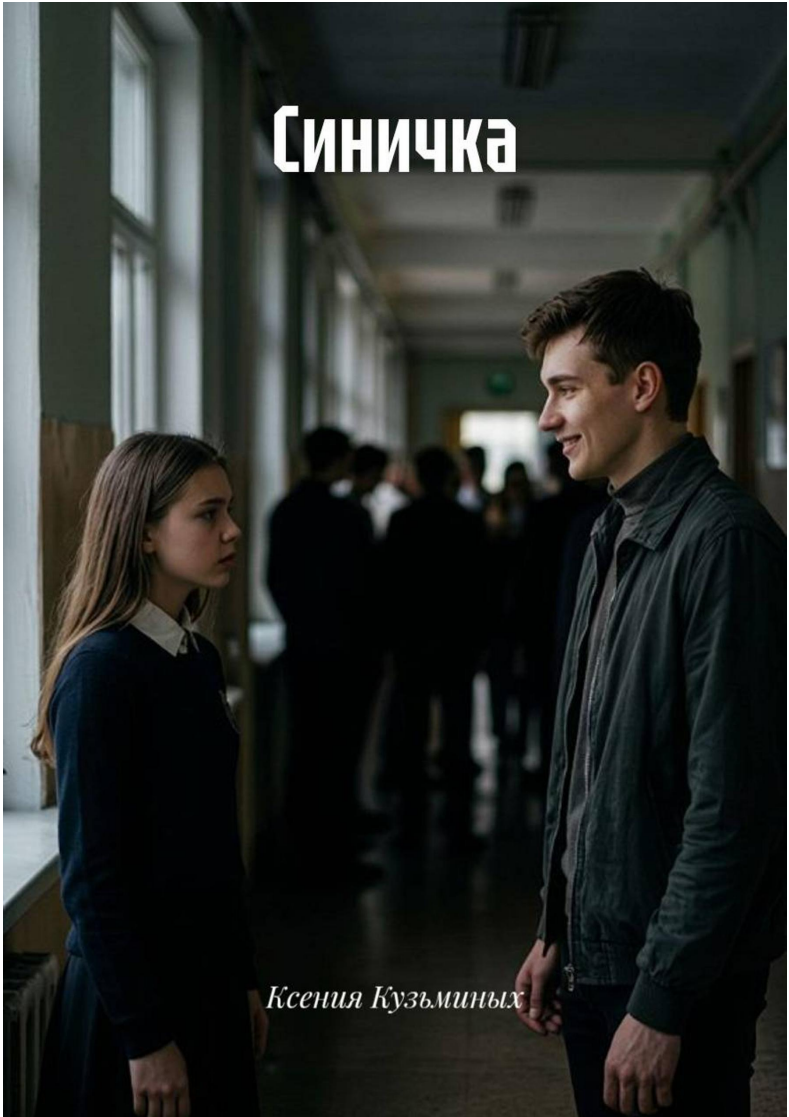
Синичка

Ксения Кузьминых

Ксения Кузьминых
Синичка

https://litres.ru/74800263
SelfPub; 2026

Аннотация

Семнадцатилетняя Настя привыкла выживать: пьющая мать, уставший отец и младшие сестра с братом, которых нужно кормить. В школе она - незаметная отличница, скрывающая правду о своей семье. Всё меняется с появлением Игоря - обаятельного новенького из обеспеченной семьи, чья жизнь кажется идеальной лишь на первый взгляд.

Случайная встреча сближает их. Между двумя подростками, уставшими носить маски, зарождается глубокое чувство. Но когда на новогоднем балу тайное становится явным, а семейная тайна, связывающая их родителей, грозит разрушить всё, Настя и Игорь должны решить: сдаться под натиском обстоятельств или найти в себе силы бороться за будущее и друг за друга.

«Синичка» - это честная история о первой любви, преодолении стыда и о том, как важно оставаться собой, когда весь мир требует обратного.

Содержание

Глава 1. 6
Глава 2. 17
Глава 3. 29
Глава 4. 39
Глава 5. 49
Глава 6. 62
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Ксения Кузьминых
Синичка

Оглавление
Глава 1.
Глава 2.
Глава 3.
Глава 4.
Глава 5.
Глава 6.
Глава 7.
Глава 8.
Глава 9.
Глава 10.
Глава 11.
Глава 12.
Глава 13.
Глава 14.
Глава 15.
Глава 16.
Глава 17.
Глава 18.
Глава 19.
Глава 20.

Эпилог.
Бонусная глава.

Глава 1.

Я чувствую себя совершенно опустошенной, словно вся моя жизнь вытекла. Кажется, что это чувство знакомо многим моим сверстникам, но у меня оно гораздо глубже, чем у большинства. Смотря на других подростков, которые жалуются на чрезмерную опеку родителей, на их попытки контролировать каждый шаг и вторгаться в личное пространство. И знаете, что? Я им завидую. Я бы хотела, чтобы мои родители хоть изредка проявляли интерес ко мне, чтобы они искренне спрашивали, как у меня дела, чтобы хоть иногда они делали попытки понять, чем я живу.

Усталость от всего этого просто невыносима! Она накапливалась с каждым днем, как снежный ком, и грозила вот-вот обрушиться, погребя меня под собой.

Проснувшись, я по привычке потянулась под подушку за телефоном – моим единственным окном в мир, где, возможно, был кто-то, кто меня понимал. Но рука не нашла его, и я с тихим, почти беззвучным вздохом села на кровати. Это маленькое разочарование – лишь очередная капля в море моей усталости. За окном была непроглядная темень, солнце должно было появиться только ближе к девяти, словно и оно не спешило освещать мою жизнь. Глаза, еще не привыкшие к скудному свету, различали очертания комнаты в полумраке.

В углу стоял старый, пыльный телевизор из начала двух-

тысячных, его экран – черное, безжизненное зеркало. Он давно не работал, как и многие вещи в нашей жизни. Я помнила, как его включали последний раз, когда мне было лет пять, и яркие картинки на нем казались волшебством. Теперь новое мы купить не могли, а этот выбросить никто так и не собрался – он стал частью нашего молчаливого, застывшего прошлого. Рядом небольшой шкаф, который, казалось, вот-вот лопнет от набитой в него одежды – моей, брата и сестры. Все наши вещи, словно в тесной коробке, напоминали о нашей скученности, но не о близости. И еще две кровати: моя отдельная, где я спала одна, но чувствовала себя еще более одинокой, и двухъярусная, где брат спал внизу, а сестра – наверху. Их дыхание, их тихие шорохи – это были единственные звуки, которые иногда нарушали тишину нашей комнаты, но они были не для меня. Они жили своей жизнью, а я – своей, в этом полумраке, с ощущением, что меня здесь почти нет.

Опустив ноги с кровати, я ощутила прохладу деревянного пола под босыми ногами. В груди защемило от жалости к себе – даже в собственной комнате нет и никогда не будет уютного ковра. Отбросив эти мысли, я подошла к кровати сестры. Я точно знала, что ночью она стащила мой телефон, чтобы поиграть. И, как оказалось, была права. Мой мобильный не подавал признаков жизни. Разрядила. Хотелось кричать, но брат и сестра еще спали, а будить их так рано – не выход. Да и поднимать шум с утра пораньше совсем не хотелось.

Телефон тихонько загудел, подключившись к зарядке, и я подняла глаза на окно. За ним – ни души. Только деревья, словно призраки, отбрасывали длинные тени на заснеженный асфальт. Еще не было шести, город спал, но для меня эта тишина была предвестником чего-то недоброго. Коридор казался ловушкой. Каждый шаг по нему – пытка. Мама, наверное, только что уснула. Всю ночь я слышала ее громкие, бессвязные разговоры на кухне. И этот запах… Запах дешевого алкоголя, просачивающийся из-под двери, снова и снова напоминал мне, где я нахожусь. Запах безысходности, разрушения. Я не хотела выходить. Не хотела видеть ее. Не хотела чувствовать этот запах, который въелся в стены, в одежду, в мою душу.

В спешке, почти на ощупь, я выхватила из шкафа первую попавшуюся резинку – старую, с растянутыми нитками, как и всё в этом доме – и кое-как собрала волосы в пучок. Это было скорее машинальное движение, чем попытка привести себя в порядок. Открыв дверь, я замерла, закрыв глаза от нахлынувшего отчаяния. Этот миг, когда дверь распахивалась, и ты видел то, что не хотел видеть, всегда был самым мучительным. Злость клокотала внутри, горячая, обжигающая, и я изо всех сил пыталась её унять, сжимая кулаки так, чтобы ногти впились в ладони. Мать, словно мешок, брошенный кем-то безразлично, растянулась вдоль коридора, её тело неестественно изогнуто. Видимо, не дойдя до кровати, она уснула прямо у порога, рядом с разбросанной обувью,

которая казалась такой же потерянной, как и она сама.

Смесь отвращения, злости и жалости захлестнула меня – к себе и к этой пьяной, потерявшей всякий облик матери. Плотно прикрыв за собой дверь комнаты, я переступила через её тело. Наклонившись, я потрясла её за плечо. В ответ послышалось лишь невнятное мычание. Выпрямившись, я набрала полную грудь воздуха, запрокинула голову к потолку и схватилась за виски. Хотелось кричать, хотелось плакать, но я не могла. Впившись ногтями в кожу головы, я резко опустила руки, оставляя на себе царапины. Я не хотела быть частью всего этого.

Свернув налево, я вошла в родительскую спальню. Отец спал на боку, уткнувшись лицом в стену.

-Пап, – позвала я, но он не отреагировал. Я села на край кровати и протянула руку, чтобы потрясти его за плечо. – Пап, проснись!

Отец вздрогнул, повернулся и сонно уставился на меня.

-Настя, ты чего не спишь? – хрипло спросил он, и тут же начал оглядываться, словно что-то осознавая. -А где…

Озираясь, он наконец посмотрел в коридор и тяжело вздохнул. Ему тоже надоело поведение мамы, и каждый раз он чувствовал вину за её поступки. Сам он когда-то пил и даже сидел в тюрьме, но вот уже пять лет не прикасался к алкоголю. За это я ему безмерно благодарна, но было бы прекрасно, если бы мать последовала его примеру.

Встав с дивана, он подошёл к матери и, подхватив её под

руки, попытался поднять. Она сопротивлялась, что-то бормоча пьяным голосом, но отец настойчиво тащил её на кровать. Отвращение охватило меня, и я отвернулась к окну, пытаясь скрыть слёзы.

Взгляд скользил по выцветшим шторам, по молчащему телевизору, по столу, заваленному грязной посудой. Вдруг я услышала звуки рвоты. Зажмурившись, проклинаю жизнь в этой квартире, желая раствориться в воздухе, исчезнуть без следа.

Отец на фоне начал суетиться и в перерывах бормотать «Настюш, иди досыпай», а сам бегал из комнаты в ванную, прибирая то, что натворила мама. Я старалась не дышать глубоко и мне сил хватило только на то, чтобы не разрыдаться.

Повернув голову, я увидела на столе отцовский телефон. Протянув руку, я нажала кнопку. 6:01. Нужно было бы собраться и идти в школу, чтобы как можно скорее уйти из этого дома, от этих людей.

-Настюш, иди поспи, пожалуйста, - услышала я тихий голос папы. Обернувшись, увидела, что он уже прибрался, уложил маму и теперь стоит рядом, такой растерянный и немного испуганный. Мне стало его жаль, но я не могла показать свою слабость.

-Пап, я буду собираться на учебу, - ответила я, обходя его и ступая по еще влажному полу. За спиной я услышала, как он набирает воздух, чтобы что-то сказать, но я уже скрылась в ванной.

Прошло, наверное, не больше получаса, но для меня это была вечность, наполненная тишиной, которая кричала громче любых слов. Мне хотелось, как можно скорее сбежать из этого места, из этой атмосферы, которая въелась в стены, в мебель, в саму мою кожу. Умылась я почти механически, смывая с лица не только остатки сна, но и ту усталость, которая накапливалась с каждым днем. Форма – строгая, привычная – казалась единственным якорем в этом хаосе. Я старалась не думать ни о чем, кроме как об учебе. Любая мысль о доме, о нем, грозила обрушить ту хрупкую стену, которую я так старательно возводила

Морозный воздух приятно щипал щеки, когда я вышла на улицу. Хотелось распахнуть все окна и впустить эту свежесть в дом, избавиться от удушающей затхлости и въевшегося запаха спиртного. Слезы навернулись на глаза от обиды, но я сдержалась, собрав всю волю в кулак.

Утро было непривычно тихим. Обычно город бурлил: спешащие на работу мужчины и женщины, мамы с детьми, направляющиеся в школы и садики, бабушки, спешащие по своим делам. В этой суете я всегда чувствовала себя незначительной, маленькой. А сейчас, идя по пустой улице, ощущала себя слишком большой, слишком заметной. Неприятное чувство.

Под ногами хрустел снег, напоминая о пронизывающем холоде. Я плотнее закуталась в свой старый, но теплый шарф. Руки спрятала в карманы куртки, но в одном из них обнару-

жила дырку, откуда просачивался холод. Куртке уже третий год, она износилась, а на новую - денег нет. Хорошо хоть, что я расту, и вес идет в рост, а не вширь. Иначе пришлось бы обходиться без нее, наверное.

Вдруг сзади послышался знакомый голос: «Настя!». Обернувшись, я увидела Антона, одноклассника. Он быстро приближался, пряча голову в объемный шарф, с сумкой через плечо. На голове, несмотря на мороз, шапки не было.

-А ты бессмертный что ли, без шапки ходить? – поддразнила я, когда он наконец дошел до меня. Повернувшись, я встретила его взгляд. Антон легонько толкнул меня в плечо.

-Мамку мою не дублируй, - проворчал Антон. – Чего так рано в школу прёшься?

-Захотелось так, - пожала плечами я. - А тебя кто выгнал из дома?

-Я сегодня дежурю по столовке, мне классуха сказала раньше прийти, потому что Жорик заболел. А мне вот вообще нахрен это не сдалось делать одному.

Мы каждый второй и четвертый вторник месяца дежурим по столовой и нужно приходить пораньше, чтобы помочь работникам расставить стаканы, тарелки и столовые приборы. В этот вторник эта участь выпала на Антона и Жорика. Но Жорик, за последние пару лет, так ни разу и не дежурил. Не повезло Антону с напарником в этот раз.

-Ну, если ты хорошо попросишь я могу тебе помочь, - с улыбкой предлагаю я, оценивающе глядя на него. Если бы

я умела влюбляться, то точно бы влюбилась в Антона. Высокий, голубоглазый, со светлыми волосами. На носу у него небольшой шрам – память о схватке с собакой, как он сам рассказывал. Моя подруга Катя просто без ума от него, но, к ее огромному сожалению, он на нее совершенно не обращает внимания. А мне он как парень совершенно не интересен. Мы будто из разных миров.

-Настенька, неужели ты сможешь отказать мне? – сладко проворковал Антон, поворачивая голову набок. Его усмешка, эта хитрая, чуть приподнятый уголок губ, обаяет многих девчонок, заставляя их таять. Но не меня. Я закатила глаза.

-Придурок, конечно могу отказать. Если захочу - я откажу кому угодно!

-Правда? Ты мне не поможешь? – в его голосе прозвучало искреннее удивление, смешанное с легкой обидой. Он остановился, и посмотрел на меня своими большими, немного наивными глазами, и я почти прочувствовала, как он попытался надавить на жалость.

Покачав головой, я вздохнула. Этот вечный Антон со своими просьбами. Мы дошли до школы. Утро ещё совсем раннее, ни одного школьника ещё не было видно, но в школе уже горели почти все окна, словно она жила своей собственной, отдельной жизнью. Через большое окно на первом этаже было видно, как туда-сюда ходил охранник, его силуэт казался немного сонным. Я пыталась вспомнить, куда же я засунула свой пропуск, и хмурилась, ощупывая карманы. Пошарив по

карманам штанов, я открыла сумку и тут же наткнулась на знакомую белую карточку – пропуск. Выдохнула с облегчением. Антон остановился, и я по инерции тоже.

-Ты так меня и не попросил, - пожав плечами, я поднялась по лестнице ко входу школы.

-Насть, пожалуйста, прошу, помоги мне. Я совсем без тебя не справлюсь, - ныл Антон, догоняя меня. Его голос звучал так жалобно, что я почти готова была рассмеяться. Обогнав, он открыл мне дверь и придержал её, чтобы я прошла. Этот жест, конечно, был милым, но не более.

Я провела пропуском по датчику, почувствовав легкий щелчок, и прошла через турникет. Поздоровалась с охранником, который приветливо улыбнулся мне в ответ. Антон шёл со мной к раздевалке, на ходу причитая, как ему не нравилось вообще это дежурство, как его раздражала эта утренняя тишина и вообще вся обстановка школы. Я слушала его вполуха, думая о предстоящем дне.

Школа встретила меня непривычной тишиной. Ещё бы, учеников не было и в помине, а немногочисленные учителя, пришедшие пораньше, и так не склонны были к шуму. Раздевалка располагалась слева от входа. Обычно там уже хлопотали наши добрые гардеробщицы, но в такую рань, до семи утра, каждый сам себе был хозяин. Я направилась к своей секции, чувствуя, как Антон всё ещё топтался за спиной, явно ожидая дальнейших указаний.

-Ладно-ладно, прекрати уже ныть, - бросила я, вешая

куртку. Взяв номерок с крючка, ощутила его холодный металл в пальцах. Стянув тяжелые, промозглые сапоги, которые уже давно просят замены, я опустилась на жесткую, видавшую виды скамейку. Единственное, что есть у меня было нового, что не вызывало у меня горькой усмешки или чувства вины – это эти самые кеды.

Мне их подарила Кристина, папина племянница. По идее, я должна называть её сестрой, но как-то язык не поворачивается. Это слово кажется таким чужим, таким нелепым, когда речь идет о 35-летней женщине, которая живет в другом городе и чья жизнь совершенно не пересекается с моей. У нас невероятная разница в возрасте, поэтому странно называть её сестрой. Или это только для меня.

Эта часть семьи у нас самая адекватная, самая светлая. Папин брат, мой дядя, с ним не общается из-за каких-то там старых, забытых ссор, которые, кажется, уже и не имеют значения. А вот его сестра, моя тётя Саша, она другая. Она очень любит и брата, и нас, несмотря ни на что. Конечно, она не может на постоянке помогать нам, не может быть рядом каждый день, но всегда старается нам что-нибудь прикупить, когда есть возможность. Как и Кристина. Она прислала мне эти крутые кеды на день рождения. Я помню, как распаковывала коробку, как мои глаза расширились от удивления. Для меня было так необычно иметь что-то совершенно новое и дорогое. Долгое время я надевала их только дома, в своей комнате, и прятала от мамы. Мне не хотелось, чтобы она с

ними ассоциировалась, чтобы они напоминали ей о чем-то, что она не может себе позволить. Мне хотелось иметь что-то только своё и только у себя, что-то, что не будет связано с её вечными заботами и ограничениями. Только в прошлом месяце я, наконец, решилась их надевать на сменку в школе. Каждый раз, когда я их вижу, я чувствую легкий укол радости и благодарности.

-Слышишь? – Антон легонько толкнул меня в плечо, его голос звучал немного настойчиво, но в нем нет той раздражающей жалости, которую я слышала от других. Он наклонился, чтобы заглянуть мне в глаза. – Я могу встать на колени, если тебе этого недостаточно.

-Ты меня не услышал? – поднявшись на ноги, чувствую, как юбка немного задралась, и поправляю её вместе с рубашкой. – Я же сказала: ладно. Идём уже.

Закинув на плечо сумку, которая кажется такой же тяжелой, как и мои мысли, я направилась в сторону столовой. И тут я услышала за спиной его голос, такой же звонкий и жизнерадостный, как и всегда: «Ты лучшая!». И на мгновение, только на одно короткое мгновение, я почувствовала, что, возможно, это действительно так.

Глава 2.

-Ты всё утро провела с Антошей наедине и не написала мне об этом? – взвизгнув, прокричала Катя, ударяя меня учебником по плечу. – И ты ещё называешься подругой?

Ее слова повисли в воздухе, острые и колкие, как осколки стекла. Я сидела перед ней, ошеломленная, не в силах произнести ни слова. Мне и в голову не пришло ей позвонить или написать. Мы с Антоном провели утро в столовой, погруженные в почти полную тишину. Единственными звуками были мелодичный звон стаканов, скользящих по подносу, и тихое шуршание вилок, касающихся тарелок. Столовая, с ее высокими потолками и гулкими стенами, не располагала к долгим беседам. Но Катя видела все иначе. Это уже не первый раз, когда ее подозрения, словно ядовитые ростки, пробиваются сквозь нашу дружбу. Она уверена, что я нравлюсь Антону, и поэтому мы так часто «случайно» пересекаемся. Хотя, если быть честной, мне кажется, что мы пересекаемся гораздо реже, чем она сама.

-Ты слишком драматизируешь, Катюх, – попыталась я смягчить удар, чувствуя, как щеки заливает краска. – Мы просто помогали накрывать на столы. Он попросил меня помочь, потому что Жорик опять придумал какую-то отмазку. - Я сердито бросила взгляд на затылок Жорика, который, совершенно здоровый и бодрый, сидел на второй парте, зали-

ваясь смехом над какой-то шуткой соседа. Меня до сих пор раздражает, как его мама потакает его лени, готовая врать и выкручиваться ради его удобства. - Мы даже не перекинулись парой слов.

-Вы провели вместе час! ЧАС! - Катя не унималась, ее голос становился все громче, привлекая внимание окружающих. Ее пушистые, непослушные кудряшки подпрыгивали в такт ее возмущению.

-Катюх, умерь свой пыл, - Сабрина, наша общая подруга, мягко толкнула ее плечом, пытаясь внести нотку здравого смысла в этот накал страстей. Но Катя уже завелась, словно паровоз, набравший полный ход. Сабрина, как и я, прекрасно понимала, что Катя слишком зациклилась на Антоне, и это уже переходит границы. – Они не сговаривались, чтобы тебе сделать назло.

-А почему она тогда не написала мне? А? – Катя настаивала, резко повернувшись к своей соседке по парте. Ее глаза, полные обиды и недоверия смотрели то на меня, то на Сабрину.

Я вздохнула, чувствуя, как нарастает раздражение. Катя всегда была такой – эмоциональной, склонной к преувеличениям, особенно когда дело касалось Антона. Я понимала, что она ревнует, но ее поведение становилось невыносимым.

-Я не думала, что это настолько критично! – мой голос тоже стал громче. – Это просто помощь накрывать на столы, Кать! Не какое-то свидание!

Сабрина снова попыталась вмешаться:

-Кать, ну правда, не накручивай себя. Она же не специально. Просто так получилось.

Я почувствовала, как мое терпение начинает истощаться. Я любила Катю, но ее одержимость Антоном становилась все более утомительной. Я не хотела быть причиной ее слез или истерик. Я просто хотела, чтобы она поняла, что иногда жизнь случается, и не все в ней имеет скрытый смысл или заговор против нее.

-Кать, это нечестно, – сказала я, чувствуя, как усталость накатывает волной. – Ты знаешь, что я к Антону отношусь как к однокласснику. Но ты не можешь контролировать каждый мой шаг. Я не могу жить по расписанию, которое ты себе нарисовала в голове.

Я видела, как ее плечи опустились, как в глазах появилась растерянность. Возможно, я была слишком резка. Но я больше не могла играть в эту игру, где каждое мое действие подвергалось тщательному анализу и осуждению. Я хотела, чтобы она поняла, что я тоже человек, со своими делами, своими обязанностями, и иногда просто не успеваю отчитываться о каждом своем шаге.

-Я просто хотела, чтобы ты мне написала, – прошептала она, и в ее голосе прозвучала такая искренняя боль, что я почувствовала укол вины.

-Я знаю, Кать. Прости, – сказала я, протягивая руку и касаясь ее плеча. – В следующий раз я обязательно напишу.

Обещаю. Но ты тоже постарайся не так остро реагировать. Хорошо?

Она кивнула, но ее взгляд все еще был полон недоверия. Я знала, что это не конец. Эта ситуация, как и многие другие, была лишь очередным витком в нашем сложном танце дружбы и ревности.

Звонок прозвенел, и ученики начали занимать свои места в классе. К счастью, в этот момент в помещении было не так многолюдно. Учительница литературы, Наталья Константиновна, внимательно осматривала входящих, словно пересчитывая их. Антон, войдя, никак не дал понять, что мы с ним теперь друзья, и это меня очень обрадовало.

Внезапно, негромкие разговоры учеников нарушил звук открывающейся двери, и в класс вошла директор школы, Антонина Александровна. Она остановилась у порога, её присутствие мгновенно заставило всех затихнуть. Наталья Константиновна, заметив её, встрепенулась и начала жестами показывать нам, чтобы мы встали. Но мы, уже давно привыкшие к школьным ритуалам и нормам приличия, уже стояли у своих стульев, готовые выразить уважение.

-Доброе утро, Антонина Александровна, - скандировал весь класс в едином потоке.

-Доброе утро дети, - ответила директор, её улыбка была немного жеманной, словно она тщательно отрепетировала её перед зеркалом. Её внешность всегда привлекала внимание. Невысокая, она компенсировала свой рост элегантными туф-

лями на высоком каблуке, которые придавали ей уверенности и даже некоторой стремительности. Я до сих пор помню, как однажды видела её, несущуюся на этих каблуках за каким-то провинившимся четвероклассником – зрелище было настолько неожиданным и комичным, что я не могла сдержать удивления. Её волосы, глубокого, тёмно-каштанового цвета, всегда были аккуратно собраны на макушке в тугой, безупречный кокон, словно вылепленный из шелка. Глаза, тёмные и выразительные, всегда были подчеркнуты чёткой линией чёрной или синей подводки, придавая взгляду особую глубину и строгость. А ещё, её неизменным атрибутом были брючные костюмы. За все годы, что я провела в этой школе, я ни разу не видела её в платье или юбке. Ходили слухи среди девочек о каком-то давнем происшествии, которое, по их словам, и стало причиной такого строгого выбора гардероба, но никто так и не смог рассказать подробностей этой таинственной истории.

-Можете садиться, - произнесла директриса Антонина Александровна, махнув рукой в сторону парт. Её голос был ровным, но в нём чувствовалась властность, которая не оставляла сомнений в том, кто здесь главный. Мы послушно заняли свои места.

Я непонимающе повернулась к девочкам, молча спрашивая, знают ли они что-то. Крайне редко директор радует нас своим присутствием. Но обе подруги синхронно пожали плечами, их глаза тоже выражали смесь любопытства и легкой

тревоги.

-Наталья Константиновна, - она посмотрела на нашу учительницу, чье лицо выражало такое же удивление, как и у нас, а потом перевела взгляд на нас, учеников, - рада представить нового ученика вашего класса, - она вытянула руку по направлению к двери, и в этот момент дверь тихонько скрипнула, пропуская в класс фигуру. В класс зашел парень. Он был невысокого роста, с копной непослушных русых волос, которые, казалось, жили своей жизнью. Одет он был в классические брюки, слегка зауженные к низу, которые идеально сидели на его стройной фигуре, белую рубашку с тонким, элегантным галстуком, и держал в руке кожаную сумку, которая выглядела немного потертой, словно повидавшей виды. Он улыбнулся уголком рта, оглядывая класс, и в его глазах мелькнул озорной блеск.

-Игорёк, - вдруг крикнул Антон вскочил со стула с такой скоростью, что его стул едва не опрокинулся. У меня от удивления расширились глаза. С чего это он так подскочил при виде этого парня, который казался совершенно незнакомым?

-Позняк, сядьте на место и закройте рот: я не договорила, - приказным тоном произнесла директор, её взгляд на мгновение задержался на Антоне, но не выражал ни малейшего раздражения, скорее, привычную снисходительность к его выходкам. Когда Антон, слегка покраснев, сел, она прокашлялась и снова посмотрела на новенького, который уже успел занять место у двери, ожидая дальнейших указаний. –

Да, это ваш бывший одноклассник Соловей Игорь. Он возвращается к нам после долгого отсутствия.

Странно быть одной из тех, кто понятия не имеет, кто такой Соловей Игорь. Когда его представили, я, естественно, повернулась к своим одноклассницам, ожидая увидеть такое же недоумение, как и у себя. Я рассчитывала на коллективное недоумение, на общий вопрос «Кто это?». Но их реакция была совершенно иной – они знали его, и их удивление и радость ничуть не уступали восторгу Антона. Антон, казалось, был просто вне себя от счастья, его глаза сияли, а улыбка не сходила с лица. Он даже, не задумываясь, попросил своего соседа, парня с вечно жирными волосами, пересесть за другую парту, чтобы освободить место рядом с новоприбывшим. Это было настолько очевидно и прямолинейно, что даже я, обычно не склонная к драматизации, почувствовала легкое замешательство.

Я же, переведясь в эту школу всего два с половиной года назад, с этим Игорем раньше не сталкивалась. Мое появление здесь было относительно недавним, и, по всей видимости, он был здесь гораздо дольше меня, возможно, с начальных классов. Это объясняло его известность и тот ажиотаж, который он вызвал. Весь урок литературы, пока мы, как обычно, разбирали «Мастера и Маргариту» Булгакова – произведение, которое я уже давно проанализировала вдоль и поперек и сдала все необходимые для оценки работы, – я украдкой наблюдала за ним. Старалась делать это как можно

незаметнее, сохраняя на лице полную невозмутимость, словно я полностью поглощена текстом или своими мыслями. Но на самом деле мое внимание было приковано к нему.

Его внешность действительно привлекала внимание, причем не просто приятная внешность, а какая-то особая, магнетическая притягательность, которая заставляла взгляды невольно задерживаться. Волосы обрамляли лицо с тонкими, изящными чертами. Нос прямой, губы чуть полноватые, создавали гармоничный, запоминающийся образ. А глаза – глубокие, внимательные, цвета тёплого ореха, они то и дело скользили по лицам одноклассников, словно сканируя их. Я была почти уверена, что в этот момент Антон, не упуская ни единой детали, посвящал его во все подробности о каждом из нас: кто есть кто, кто с кем дружит, кто что думает. Это было похоже на краткий брифинг для нового игрока в сложной игре. Я же, оставаясь в тени, пыталась понять, что же такого особенного в этом Игоре, что он вызывает такую бурю эмоций.

Мне было интересно, что же Антон расскажет Игорю про меня. Я чувствовала, как мое любопытство перерастает в навязчивое желание подслушать, и, видимо, я слишком пристально смотрела на них, потому что в какой-то момент наши взгляды с Игорем встретились. В его глазах мелькнуло что-то неуловимое – то ли насмешка, то ли простое наблюдение. Я тут же нахмурилась, почувствовав легкий укол смущения, и уткнулась в книгу, стараясь отогнать волнение.

«Мне должно быть все равно».

Когда прозвенел звонок, я начала скидывать всё в сумку, попутно повернувшись к девочкам. Они то и дело кидали взгляды на новенького и меня уже начало раздражать, что я совершенно ничего не знаю о нём.

-Да что такое? – прошептала я, подняв брови и смотря на Сабрину, которая, казалось, знала кто он. Она, загадочно улыбнувшись, словно дразня меня, ответила: «Сейчас я тебе все расскажу». На ее щеках появились милые ямочки, которые делали ее улыбку еще более интригующей. Мы почти дошли до выхода из класса, когда я услышала за спиной знакомый, но сейчас нежелательный голос учительницы:

-Синицина, задержитесь, пожалуйста.

Услышав свою фамилию, я остановилась как вкопанная и оглянулась. Учительница по литературе и русскому языку хочет со мной о чем-то поговорить? У меня, вроде бы, не было никаких проблем с учебой, никаких задолженностей, никаких проступков. Что же ей могло понадобиться?

Кивнув подруге, которая с понимающей улыбкой отпустила мой локоть, я пошла к столу учителя. Периферийным зрением я увидела, как Игорь сейчас пройдёт мимо меня на выход.

-Синичка, значит, - едва слышно прошептал он, проходя мимо. Его голос был низким и бархатистым, и я даже не была уверена, что расслышала правильно. Я удивленно посмотрела на него, заметив лишь легкую, едва уловимую ухмылку,

которая тронула уголок его губ. Мне даже пришло в голову, что мне просто почудилось, что это игра моего воображения, подогретого любопытством.

-Настя, - начала Наталья Константиновна, и я тряхнула головой, пытаясь выбросить этого Игоря и его загадочное прозвище из головы. Нужно было сосредоточиться на разговоре с учительницей, но образ его ухмылки и шепот продолжали витать где-то на периферии сознания.

-Да, Наталья Константиновна, что случилось? – непонимающе спросила я, теребя пальцами ремешок рюкзака.

-Ничего страшного не произошло. Всё хорошо, - начала она успокаивать меня, видимо, увидев мое бледное от испуга лицо, которое, наверное, выдавало мое внутреннее смятение. – Я хотела поговорить по поводу экзаменов. Ты же сдаёшь и русский язык, и литературу?

-Да, я подавала заявление на русский и литературу, а также обычная математика и обществознание. Планирую поступать на какую-нибудь гуманитарную специальность, - я произнесла это с некоторой неуверенностью, словно сама еще не до конца верила в свои планы.

Мысли разбегались словно испуганные мыши, мечась по темным углам моего разума. Пытаясь понять, чем вызван подобный вопрос учителя, я перебирала все возможные варианты, но ни один из них не казался подходящим, не объяснял ее внезапного интереса.

-Я хотела у тебя спросить, не понадобятся ли тебе частные

уроки. У меня появились свободные часы, - Наталья Константиновна испытующе на меня посмотрела, ее взгляд был внимательным и проницательным, словно она пыталась прочесть мои мысли.

Из меня вышел воздух. Этот вопрос словно отбросил меня снова в мою реальность, где каждый день – это борьба, где мне нужно карабкаться из ямы нищеты на поверхность, чтобы схватить глоток воздуха, чтобы выжить. Школа всегда позволяла мне передохнуть, давала ощущение безопасности, но и в этом убежище бывают дни, когда реальность напоминает о себе с новой силой. Тут же все мысли об Игоре, о его загадочном шепоте и ухмылке, будто стали такими глупыми и детскими, такими незначительными, что я пристыдила себя за то, что позволила им так сильно меня отвлечь.

Сжав челюсть, я собрала себя по кусочкам, и стараясь не выдать своё недовольство по поводу своего нищенского существования, сглотнула.

-А у меня разве какие-то проблемы с экзаменами? – бросила я, надеясь, что это не прозвучало резко и невоспитанно.

-Нет. Конечно, нет, - отмахнулась она, словно мгновенно отказавшись от своего первоначального предложения, и я почувствовала, как напряжение, сковавшее мое тело, начало медленно спадать. – У тебя вроде всё прекрасно. Просто у меня появилось время и мне не хотелось бы его тратить на совсем неспособных. Осталось полгода, и я бы взяла того, кто понимает и дотянуть его до сотки, чем того, кто вообще

ничего не понимает. Но я поняла, - добавила она, и в ее словах прозвучало тихое, но твердое решение. - Иди, Настюш.

Кивнув, я сделала глубокий, облегченный выдох. Развернувшись, я направилась к выходу, и в этот момент я искренне, от всего сердца, поблагодарила Бога за то, что мне не пришлось объяснять учителю мою семейную ситуацию, не выставлять напоказ свою уязвимость и нужду.

Глава 3.

-Что сказала Наталья Константиновна? – спросила Катя, как только увидела меня. Я пришла на урок биологии и села на своё место.

Рядом со мной, словно по расписанию, уже устроилась Оля. Ее волосы, еще влажные и пахнущие хлоркой, выдавали недавнее погружение в бассейн – первый урок она, как всегда, пропустила ради своей тренировки по плаванию. Мы с Олей не были закадычными подругами, но за одной партой нам всегда было как-то по-своему уютно. Обменялись короткими, но теплыми кивками и улыбками.

-Да по поводу экзаменов, - отмахнулась я, доставая учебник и принадлежности к уроку. – Спрашивала какие я ещё экзамены сдаю.

-Понятно, - Катя быстро кивнула, ее глаза загорелись каким-то особым огоньком. Она наклонилась ближе, словно собираясь доверить мне государственную тайну, и понизила голос до шепота, чтобы наши слова не долетели до ушей любопытных одноклассников. – Так вот, про Игоря.

Ей не терпелось выложить мне всю информацию о таинственном Игоре, а я, признаться, уже немного пришла в себя после его внезапного появления. Его обаяние, конечно, сработало – признаю, в первые мгновения я была под его впечатлением. Да, это продлилось ровно один урок, но я твер-

до решила больше не позволять никому так легко проникать в мою голову. Тем не менее, узнать, кто он такой, мне было просто необходимо. Чистое, незамутненное любопытство, которое, как оказалось, сильнее моей новообретенной стойкости. Я повернулась к Кате и Сабрине, изображая на лице самую что ни на есть девичью наивность, и даже слегка захлопала ресницами. Сабрина, с ее острым умом, тут же уловила мою наигранность и лишь усмехнулась в кулак, но Катя, погруженная в свою историю, ничего не заподозрила.

-Он ушел от нас в восьмом классе, - начала Катя, ее голос звучал немного задумчиво, словно она перебирала в памяти старые фотографии. - Буквально за четыре-пять месяцев до твоего прихода. Его отца повысили и забрали в главный офис в Санкт-Петербурге. Он ходил к нам в школу с пятого по восьмой класс. Был таким… бунтарем, но при этом очень скрытным.

-Почему же скрытным? – я постаралась придать своему голосу нотки холодного, отстраненного интереса, будто мне было совершенно неважно, но все же хотелось узнать детали.

-А потому что его мать была социальным педагогом в нашей школе, – пояснила Катя, и в ее глазах мелькнуло что-то вроде понимания. – Он часто к ней попадал за свое поведение, но потом, видимо, понял, что так не годится, и стал действовать гораздо осторожнее. Они с Антоном – лучшие друзья, знаешь ли. И вот что самое интересное, – Катя понизила голос еще больше, – я слышала на перемене, что Игорь

вообще никому не сказал, что возвращается. Просто взял и появился.

Катя слегка нахмурилась, словно пыталась разгадать какую-то сложную головоломку, пытаясь понять, почему же он решил вернуться именно сейчас, и почему так тайно.

-Отца опять повысили, – тут же вмешалась Сабрина, ее голос звучал уверенно и знающе, словно она только что получила эксклюзивную информацию. Мы с Катей удивленно переглянулись, а потом устремили взгляды на Сабрину. – Что? – она пожала плечами, заметив наше замешательство. – Я на перемене у него спросила, пока мы шли сюда. Он сказал, что отец теперь руководит несколькими филиалами на Урале, и ему пришлось вернуться. Они, вроде как даже рады вернуться, - добавила она с легкой улыбкой, будто сама была рада за них.

Я рассеянно посмотрела на стол, пытаясь не выдать своего внезапного интереса, которое, казалось, охватило меня с ног до головы. На поверхности стола кто-то нацарапал непонятные, витиеватые символы, словно тайные знаки. Эта школа – самая новая в нашем городе, и это было одной из главных причин моего перевода. Отличный ремонт, сверкающая новая мебель, современное оборудование – всё это создавало атмосферу, в которой хотелось учиться. Я решила перевестись сюда именно потому, что мне хотелось учиться в комфортных, достойных условиях, где ничто не отвлекало бы от процесса обучения. И вот, глядя на эти царапины, станови-

лось немного грустно, что даже в такой новой и ухоженной школе дети умудряются портить мебель.

Мои младший брат и сестра учатся в старой школе, которая уже повидала многое, и их это вполне устраивает. А я же, после перехода сюда, была, наверное, самым счастливым человеком на свете. Мне безумно нравились учителя – их профессионализм и доброжелательность, мои новые одноклассники, которые приняли меня без лишних вопросов, и, самое главное, то, что я наконец-то могла чувствовать себя такой как все. В старой школе все знали мою семью, знали нашу историю, и в особенности то, что у нас нет денег. Это всегда витало в воздухе, создавая невидимую стену. Да, здесь тоже приходится сдавать деньги на нужды класса, на подарки учителям или на какие-то школьные мероприятия, но я стараюсь либо сама заработать эти деньги, выполняя мелкие поручения для соседей или работая, либо мне помогает тетя Саша и Кристина, которые всегда готовы поддержать меня.

И вот, в голове начинают роиться вопросы, связанные с Игорем и его семьей. Интересно, раз мама Игоря работала раньше в школе, то теперь где ей работать? У нас в школе есть социальный педагог, очень комфортная и добрая женщина. Вряд ли нашей школе, тем более такой новой, нужно два социальных педагога на одну школу. Возможно, она найдет себе место в другом учебном заведении? А еще, мне очень интересно, согласился ли сам Игорь сразу с решением родителей переехать из города-миллионника, где, навер-

няка, больше возможностей и интереснее жизнь, обратно в этот, как мне кажется, Богом забытый провинциальный городок на Урале.

Мысли и вопросы роятся в голове как сумасшедшие пчелы в улье. Почему мне так это интересно – не понимаю. Я никогда раньше не проявляла такого сильного интереса к новеньким. Обычно я просто наблюдаю со стороны, стараясь не привлекать к себе внимания. Хотя, если честно, новеньких до этого момента в нашем классе, по сути, не бывало. До этого момента я сама всегда считалась новенькой, и, думаю, буду считаться таковой до самого выпускного.

Внезапно, Оля толкнула меня локтем в бок, и я непонимающе на неё поворачиваюсь, чувствуя легкий укол в ребрах. Она легонько кивнула подбородком в направлении входа, и я, следуя ее взгляду, бросила туда взгляд. В класс только что завалились Антон и Игорь в компании ещё одного одноклассника Марка. Они очень громко смеялись над чем-то, их смех эхом разносился по коридору, и я начала понимать, что наш оживленный разговор с девочками, полный шепота и интриг, внезапно оборван. Оля, конечно, прекрасно слышала, о чем мы только что разговаривали, и подобным жестом просто подсказала, что объект наших сплетен появился собственной персоной, словно материализовавшись из воздуха.

В последний раз бросив многозначительный взгляд через плечо на Сабрину, которая, кажется, тоже заметила прибы-

тие незваных гостей, я открыла учебник и тетрадь, и попыталась сосредоточиться и вспомнить, что мы проходили на прошлом уроке. Но краем глаза, словно против моей воли, заметила какие-то подвижки на соседней парте. Повернув голову, я тут же замираю, и на моем лице появляется легкое недоумение, переходящее в хмурость. На краю стола, прямо у меня под боком, уселся Игорь и выжидающе стал смотреть на меня сверху вниз. На его лице заиграла легкая, едва уловимая улыбка, а руки небрежно покоились в карманах брюк. Я, сильнее нахмурившись, поджала губы, пытаясь понять, что происходит. Зачем он сюда сел? Это было так неожиданно и нагло.

-Привет, - сказал он, все еще ухмыляясь и глядя на меня теплыми, немного насмешливыми глазами. Его взгляд будто проникал куда-то глубоко, и я почувствовала, как легкий румянец заливает мои щеки. – Ты единственная, с кем я не знаком. Познакомимся?

-А тебе разве Антон не всё рассказал на прошлом уроке? – спросила я, попытавшись скрыть свое смущение за завесой сарказма и сомнения. Я едва заметно распрямила плечи, пытаясь придать себе уверенности, и опустила взгляд на ручку, лежащую на столе, на пару секунд. В голове пронеслась мысль: «Вообще-то я не такая грубая обычно. Зачем я так говорю?». Но слова уже слетели с губ.

-Ну да, - хмыкнул он, и его улыбка не сползла с лица, а глаза, кажется, загорелись каким-то новым, незнакомым мне

светом… интересом? Или мне показалось? Этот взгляд заставил меня чувствовать себя еще более неловко – Тогда я сам представлюсь. Я – Игорь.

Прозвенел звонок, резкий и громкий, прерывая повисшую в воздухе тишину до того, как я успела что-то ответить. Но он так и не двинулся с места, словно ожидая моего ответа, его взгляд был прикован ко мне. Я в растерянности посмотрела по сторонам, чувствуя, как мое имя будто застревает в горле, не желая слетать с губ. Оно будто стало слишком личным, слишком важным, чтобы просто так отдать его этому незнакомцу. В класс прошел учитель биологии, его шаги размеренны, а голос уже начал звучать, пока он раскладывал что-то на своем столе. Игорь помедлил еще полминуты, словно выжидая идеальный момент, затем оттолкнулся от парты, чуть наклонился ко мне, и его голос, тихий и проникновенный, прозвучал прямо у моего уха, заставляя меня вздрогнуть:

-Ну, получается, будешь Синичкой.

Внутри меня всё замерло, словно время остановилось. В полном шоке и оцепенении я смотрела, как Игорь выпрямляется, его взгляд скользнул мимо меня, не задерживаясь, и он направился к противоположному ряду у окна, где сел рядом с Антоном.

-Что это было? – услышала я за спиной тихий, но настойчивый голос Кати. Её любопытство было почти осязаемым. Повернув голову, я встретилась с её недоуменным взглядом

и, не зная, как реагировать, просто пожала плечами. – А что он тебе сказал? - добавила она, явно ожидая подробностей.

Я открыла рот, чтобы ответить, но тут же остановилась. Мысль о том, что Катя, с её неуемной энергией и склонностью к распространению информации, раздует из этого прозвища настоящую сплетню, остановила меня. Я представила, как обо мне будут шептаться за спиной и это было последнее, чего я хотела.

К счастью, меня спас голос учителя. Сергей Петрович произнес своим обычным строгим тоном:

-Синицина, урок начался. Позвольте повернуться ко мне лицом, а не затылком и откройте учебник.

Следуя указанию учителя, я выпрямилась, стараясь максимально сосредоточиться на учебнике передо мной. Впрочем, это не так уж и сложно. К счастью, я давно научилась мастерски отключаться от всего лишнего, отвлекающего. Мне так часто приходилось забывать о себе, о том, кто я на самом деле и что происходило вокруг, что мысли о странном однокласснике, я с легкостью могла отогнать на целых сорок пять минут. Его загадочное поведение, его пристальный взгляд – все это растворилось в потоке информации о строении клеток.

Но как только прозвенел звонок, Катя тут же вернула меня в реальность. Она не унималась ни на секунду, засыпая меня вопросами и предположениями о том, что же именно Игорь мог мне сказать. Ее фантазия работала на полную катушку,

перебирая самые невероятные сценарии. Устав от ее бесконечных теорий, я решила пресечь их на корню, просто ответив, что он пообещал узнать мое имя и на этом все. Однако, вместо того, чтобы успокоиться, мое лаконичное объяснение будто подлило масла в огонь. Катя, казалось, восприняла это как вызов и начала строить еще более невероятные, порой совершенно абсурдные версии.

Когда наступило время обеда, мы, как обычно, направились из кабинета географии в шумную столовую. По дороге, среди гама и смеха других учеников, Катя выдала, пожалуй, самую бредовую теорию из всех, что успела выдумать.

-А вдруг, - начала она, ее глаза загорелись предвкушением, - Игорь увидел тебя на одной из совместных фотографий с Антоном, поэтому переехал обратно и теперь планирует тебя завоевать? – она чуть ли не подпрыгивала от восторга, представляя себе эту грандиозную интригу.

Я не могла сдержать улыбки, хотя и старалась выглядеть серьезно.

-Кать, я тебя сейчас ударю, предупреждаю, - наиграно хмурясь, проговорила я.

Сабрина, которая обычно была более приземленной, лишь обреченно покачала головой.

-Да, ты уже совсем поехала, - вздохнула она, но в ее глазах тоже мелькнул огонек веселья.

Зайдя в столовую, Сабрина, по своему обыкновению, первым делом вытянула шею, пытаясь отыскать в пестрой тол-

пе своего парня, Тиму. Как только их взгляды встретились, она радостно помахала ему рукой, подняв ее повыше, чтобы он ее заметил. Через несколько секунд, ловко лавируя между суетящимися пятиклассниками и старшеклассниками, он оказался рядом с нами, готовый разделить обеденный стол и, возможно, выслушать очередную порцию Катиных фантазий.

Глава 4.

Неделя пролетела с такой скоростью, что я едва успела моргнуть. Каждый будний день, едва прозвенел последний звонок, я направлялась прямиком в школьную библиотеку. Там, в тишине и уединении, я погружалась в мир заданий, которые требовали работы за компьютером. Эти часы были для меня настоящим спасением. Не нужно было спешить домой, где меня ждала суета и, как правило, шумное семейное застолье. В библиотеке я находила драгоценные моменты покоя, возможность побыть наедине с собой, разобраться в своих мыслях и делах без посторонних вмешательств. Такие периоды уединения случались крайне редко, поэтому я ценила их. Единственным существенным недостатком этого моего «убежища» было нарастающее чувство голода. В школе я лишь обедала, а дома, как правило, мой ужин состоял из довольно скромных блюд: либо макароны с овощами, либо привычная овсяная каша.

В пятницу, когда я наконец добралась до дома, меня снова встретила картина, к которой я уже почти привыкла – кухня была заставлена бутылками, а мама сидела и разговаривала по телефону. До прихода папы оставалось пару часов, и я надеялась, что он завершит эти посиделки. Сил на то, чтобы попытаться прекратить эти посиделки, у меня просто не осталось. Я чувствовала себя совершенно опустошенной.

Поэтому, выстояв под горячими струями воды в душе, я просто рухнула в постель, голодная и измотанная до предела.

Утро субботы встретило меня тусклым, пасмурным светом, пробивающимся сквозь занавески. Я повернулась на бок и с удивлением обнаружила, что соседняя кровать, где обычно спал Арсений, была пуста. Я даже заглянула на верхний ярус, но и там никого не было. Это было странно, ведь, насколько я помнила, никаких планов на ранний выход или поездку ни у кого не было. Я протянула руку к привычному месту между матрасом и стеной, где теперь лежал мой телефон, и достала его. Время показывало уже почти десять утра. «Наверное, все просто встали и разошлись по своим делам», – подумала я, пытаясь объяснить эту непривычную тишину.

С легким потягиванием я выбралась из постели, накинула на себя старый, теплый свитер и вышла в коридор. Из кухни доносился знакомый папин голос, и я, не раздумывая, направилась туда. На маленькой, уютной кухоньке стоял папа, а за столом, увлеченно смотря на него, сидел мой младший братик.

-А теперь, - проговорил папа, его голос звучал мягко и немного устало. Он аккуратно выложил порцию дымящихся макарон в тарелку перед Арсением, стараясь сделать это как можно аппетитнее. Затем он вернулся к плите, поставил кастрюлю на конфорку. Взяв с столешницы небольшой кусок сыра и терку, он с легким, но уверенным движением начал натирать его прямо на горячие макароны. – Получаются ма-

кароны с сыром.

Сыр, увы, был самым дешевым, из тех, что не отличаются особой жирностью и не спешили таять, образуя тягучие нити. Но Арсений, ничуть не смутившись этой мелкой детали, радостно захлопал в ладоши, его лицо озарилось искренним восторгом. Он тут же принялся за трапезу, уплетая макароны с аппетитом, который мог бы позавидовать любой гурман. Папа взглянул на меня, и в его глазах мелькнула усталая улыбка. Он знал, что еда у нас не самая изысканная, что это далеко не то, чем он хотел бы нас кормить, но делал все, что мог, вкладывая в каждое блюдо всю свою заботу и любовь. Я ответила ему такой же короткой, понимающей улыбкой.

-Где Арина? – спросила я, присаживаясь рядом с братишкой, чтобы разделить с ним этот скромный завтрак.

-Она с мамой уехала в сестре на выходные, - тихо ответил папа, поворачиваясь ко мне спиной, чтобы приготовить мне такую же порцию макарон. Его плечи слегка опустились, словно от невидимой тяжести. Я вздохнула, закрыв глаза на мгновение, пытаясь собраться с мыслями.

Если мама уехала, значит, она взяла у папы деньги. Вчера был день зарплаты, и, скорее всего, она утром, как это часто бывало, вытащила у него последние средства, оставив нас с минимумом, и отправилась к тетке в соседний город. Отсюда и такой скромный завтрак, и эта тревога, которая поселилась в воздухе.

-Сколько осталось денег? – прямо спросила я, когда па-

па поставил передо мной тарелку с макаронами. Он замялся, его взгляд забегал, явно раздумывая, стоит ли говорить мне правду, стоит ли обременять меня этой информацией. Но потом, увидев мою решимость, он сдался.

-Тысяча на две недели.

Негусто. Это было даже меньше, чем я ожидала. Тысяча рублей на две недели для нас пятерых. Взяв вилку, я задумалась, куда сегодня отправиться раздавать листовки. Вариантов было немного: либо в оживленный торговый центр, где всегда много людей, либо к популярной шаурмечной, где тоже всегда кипит жизнь. Я знала, что папа делает все, что в его силах, но сейчас, казалось, и мне придется приложить максимум усилий, чтобы мы смогли продержаться до следующей зарплаты.

Торговый центр манил теплом. Часы, проведенные в его отапливаемых залах, где лишь изредка приходилось выходить на морозный воздух, казались спасением. Но два существенных минуса омрачали эту картину: во-первых, пугающая вероятность столкнуться с кем-то из школы, чьи взгляды могли бы прожечь до самых костей, а во-вторых, полное отсутствие возможности подкрепиться. Никакой еды, только холодные стены и чужие, равнодушные лица.

Шаурмечная же предлагала иной расклад. Да, пришлось бы колесить по периметру микрорайона, вдыхая промозглый зимний воздух, но зато там, среди суеты и запахов специй, почти невозможно было встретить знакомых. И главное –

дважды за день обещали покормить. Это было существенным плюсом, когда каждый рубль на счету.

Однако я не могла себе позволить болеть. Конец четверти, подготовка к экзаменам, и самое, пожалуй, страшное – цены на лекарства. Смахнув макароны с тарелки за пять минут, я отправилась одеваться.

Торговый центр в нашем городе – это не очень большое здание, скорее напоминающее старый универмаг, с двумя десятками магазинов, расположенными на двух этажах. Никаких фуд-кортов, где можно было бы выбрать из десятка разных кухонь, никаких модных бутиков с известными марками, которые мелькали в телевизоре. Да, есть дешевые сетевые магазины, где можно найти базовые вещи, но не так как в больших городах, где выбор поражает воображение. Так же есть небольшое семейное кафе, где зачастую проводят всякие детские праздники. Здание ремонтировалось в последний раз в прошлом, а может и позапрошлом, десятилетии. Стены и полы потёртые, покрытые мелкими царапинами и следами времени, по которым снуют люди, у которых сегодня выходной, и они пришли сюда, чтобы убить время, а не найти что-то действительно стоящее.

В этот раз моя задача была проста, но утомительна: взять листовки из магазина ювелирных украшений и раздавать всем встречным, плавно передвигаясь по этажам, словно призрак, предлагающий несбыточные мечты. Естественно, никому это не нужно. Большинство людей, словно испугав-

шись блеска и обещаний, проходили мимо, не глядя. Некоторые с отвращением отворачиваются, и я их понимаю. Кто захочет брать в руки рекламу чего-то недоступного, когда сам едва сводишь концы с концами? Другие же, будто из сочувствия, берут из моих рук листочек и улыбаются. Им я благодарна. Эта мимолетная улыбка, этот жест доброты – это то, что помогает держаться на плаву. За час мне здесь пообещали 110 рублей, и в принципе меня это устраивает. Я мысленно прикидывала: часов пять, не больше. Этого должно хватить, чтобы наскрести на скромный ужин для семьи и хоть немного облегчить наше вечное безденежье на ближайшую неделю. Вдруг за спиной раздался голос, пробившийся сквозь мои расчеты.

-О, Синичка, привет!

Черт. Ну вот зачем мне сейчас встречаться с кем-то из школы? Видимо, думать о том, чего не хочешь, бесполезно. Вздохнув, я обернулась. Передо мной стоял Игорь, с той самой ухмылкой, которая заставляла мое сердце биться чуть быстрее.

- Ты тоже здесь. Вот так совпадение.

Он держал в руке стаканчик из кофейного аппарата, но я безошибочно уловила сладкий аромат горячего шоколада. Желудок предательски сжался от зависти. Игорь был в привычных джинсах и черной рубашке, нараспашку поверх белоснежной футболки. Единственное, что вызвало у меня легкое недоумение – где его верхняя одежда? Но, скорее все-

го, он приехал с родителями на машине, и вся одежда там. Вряд ли он так разгуливает по улице.

-Привет, - выдавила я, стараясь улыбнуться как можно естественнее. Как всегда, щеки залил предательский румянец, который появлялся каждый раз, когда Игорь обращался ко мне. Когда же я уже привыкну к этому, черт возьми?

- Подработка – это здорово, – кивнул он, и тут я заметила, как он ловко, словно по волшебству, достал из-за уха тонкую кисточку. Я даже не видела ее раньше. – Я тоже тут иногда подрабатывал, а когда вернулся в город, мне снова позвонили. Будто ждали, когда я вернусь, – он добродушно рассмеялся, снова заправляя кисть с ярко-синей краской обратно за ухо. – Вот сейчас перерыв – сходил за шоколадом.

-Ты, - я сделала паузу, пытаясь подобрать слова, чтобы не прозвучать слишком уж невежественно, - рисуешь? Что это за работа такая? – поджав губы, я поняла, что прозвучало это, пожалуй, грубовато.

-Аквагрим, - Игорь улыбнулся еще шире, и возле его глаз появились те самые мелкие морщинки, которые делали его взгляд таким смешливым. – Талант к рисованию достался от мамы. Вот и рисую детишкам на коже рисунки.

-Здорово, - кивнула я, искренне удивляясь. В моей голове никак не укладывалось, что человек, у которого, казалось бы, есть всё – обеспеченное будущее, возможность не думать о завтрашнем дне – будет заниматься такой же работой, как и я, простой девушкой, которой каждый заработанный рубль

был на счету. – А почему ты работаешь?

Мой вопрос, видимо, застал его врасплох. Он на мгновение задумался, его взгляд стал чуть более серьезным, словно он искал ответ где-то внутри себя. Затем, пожав плечами с той же легкой небрежностью, которая так мне нравилась, он произнес:

-Это весело. Я очень люблю детей, люблю сам процесс рисования. Нравится эта атмосфера праздника, когда вокруг смех и радость. И, конечно, приятно видеть, как я приношу людям улыбки и хорошее настроение. Это такое особенное чувство.

Кивнув, я погрузилась в размышления. Какие же у нас разные мотивации, подумала я с легкой завистью. Мне работа нужна была для выживания, для того, чтобы накормить семью, чтобы у них было всё необходимое. А он… он работает ради удовольствия, ради того, чтобы дарить радость. Это было так интересно, так непохоже на мою реальность. Я искренне надеялась, что когда-нибудь и я смогу достичь такого положения в жизни, когда работа будет приносить лишь радость и удовлетворение, а не только необходимость.

К моему огромному облегчению, Игорь не стал расспрашивать о причинах моей работы. Он не задал ни одного уточняющего вопроса, за что я была ему безмерно благодарна. Это было проявлением такта, которого я так боялась не встретить.

-Ну я пойду, - сказала я, чувствуя, как щеки заливает

легкий румянец от неловкости. Я сделала шаг назад, готовясь попрощаться. И тут произошло нечто неожиданное. Игорь, словно по инерции, синхронно со мной сделал шаг навстречу. Мои глаза расширились от удивления. Он тут же осознал свою оплошность, слегка смутился, и его плечи чуть опустились.

-Давай, до понедельника, - сказал он, и в этот момент, словно пытаясь заполнить неловкую паузу, зачем-то поднял вверх стаканчик, который держал в руке, а затем так же нелепо опустил его. Он сам с недоумением посмотрел на свои действия, и в его глазах мелькнула растерянность. В этот момент мне стало так смешно, что я не смогла сдержать тихий, но искренний смешок. Игорь заметил это, и на его лице появилась ответная улыбка. Он будто сам себе кивнул, словно говоря: «Да, это было забавно», – и, развернувшись, направился в сторону семейного кафе, оставив меня наедине с моими мыслями и легким, но приятным ощущением от этой неожиданной встречи.

Идя дальше по гулким коридорам торгового центра, я пыталась разобраться в своих собственных ощущениях. Почему именно этот Игорь вызывает у меня такую странную реакцию? Да, он, безусловно, симпатичный. Но разве я не общаюсь с симпатичными парнями каждый день, без всякой робости и смущения? Конечно, общаюсь. Вот взять того же Антона – при нем я совершенно спокойна. Никакого румянца на щеках, никаких путающихся мыслей, никакого лихо-

радочного анализа каждого произнесенного слова. Неужели я в него влюбилась? Эта мысль промелькнула с такой скоростью, что я сама испугалась. Нет, это просто невозможно. Сейчас совсем не до этого. Да и даже если предположить такое невероятное, то я, кажется, вне всякой конкуренции. Даже мои лучшие подруги, которые обычно так сдержанны, смотрят на него с каким-то особенным блеском в глазах и говорят с такой ноткой придыхания, что становится ясно – я должна забыть эти мысли и перестать придумывать себе несуществующие проблемы.

Посмотрев на часы, я вздохнула. Осталось поработать еще часа два-три, и можно будет наконец-то отправиться домой. В кои-то веки я смогу спокойно сделать уроки в своей комнате, а не прятаться по углам школьной или городской библиотеки, пытаясь найти хоть какое-то уединение.

Глава 5.

Понедельник после обеда, и я, как добросовестный ученик, оказалась в тишине библиотеки. Перелистывая пыльные тома, я с разочарованием осознала: даже если школа сияет новизной, это вовсе не означает, что ее книжные полки ломятся от последних изданий. Особенно остро это ощущалось, когда дело касалось истории. Мне предстоял реферат на тему «Перестройка и распад СССР», и я решила подстраховаться, начав подготовку задолго до срока.

-Это жесть, - не в первый раз тишину библиотеки разорвало громкое, почти театральное восклицание.

Я подняла взгляд и увидела новую библиотекаршу – молодую женщину лет тридцати, которая уже минут сорок стояла над внушительной горой книг, словно застывшая статуя. Ее взгляд блуждал по корешкам, но ни одна книга не была извлечена из этого хаоса. Неужели она надеется, что эти тома сами собой упорядочатся под действием ее негодования? Она склонилась над монитором компьютера, что-то сосредоточенно изучая, а затем, повернувшись к старому, скрипучему стеллажу с карточками, едва не застонала.

В этот момент дверь библиотеки распахнулась с такой силой, что ее ручка с глухим стуком врезалась в книжный стеллаж, заставив несколько книг опасно качнуться. В помещение, словно взбешенный метеор, ворвалась завуч Ольга Бо-

рисовна, за ней, словно тень, следовала директриса Антонина Александровна. Ольга Борисовна, сбивчиво и нервно, начала что-то бормотать о недавней доставке книг, о том, что она понятия не имеет, кто и когда «вывалил» этот книжный хаос (хотя я прекрасно помнила, как эти книги лежали аккуратными стопками в коробках, и именно новая библиотекарша, с видимым усилием, разгрузила их). Лицо же директрисы, Антонины Александровны, начало приобретать такой ярко-пурпурный оттенок, что казалось, она вот-вот взорвется от негодования. В воздухе повисло напряжение, предвещая неминуемую бурю.

-Оля, как ты могла это допустить? – голос Антонины Александровны прорезал эту звенящую тишину, подобно молнии, заглушая даже воображаемые раскаты грома. Я инстинктивно замерла, стараясь стать невидимой, чтобы не попасть под эту волну всепоглощающей ярости, которая сейчас исходила от директрисы, словно от раскаленного ядра. – Ты вообще понимаешь, что вообще это значит? Ты хочешь, чтобы урезали бюджет для этой школы? Да я ж… - она бросила на меня быстрый, полный упрека взгляд, сделала глубокий, прерывистый выдох, словно пытаясь унять бушующий внутри ураган, и продолжила, уже с нотками отчаяния в голосе, - я тут всё делаю, чтобы вы ни в чем не нуждались, а вы меня так подставляете!

Библиотекарша, Вероника, хрупкая и бледная, стояла неподвижно, словно статуя, надеясь, что ее бездействие или,

возможно, неведение, убережет ее от этой грозы. Но взгляд Антонины Александровны, острый и пронзительный, уже был направлен на нее, не оставляя шансов на спасение.

-Вероника, когда пришли эти книги? – вопрос прозвучал как приговор.

Девушка тушуется, оглядываясь, будто в поиске спасательного круга.

-На прошлой неделе в … - ее голос дрогнул, едва слышно

-На прошлой неделе? Да вы шутите что ли? - директриса повысила голос, и в нем зазвучали нотки горькой иронии. - У вас было достаточно времени, чтобы разобраться в этом! Чтобы проверить, что поступает в нашу библиотеку! Это же не просто макулатура, это... – она осеклась, не желая произносить вслух то, что могло бы еще больше усугубить ситуацию. – Быстро ко мне в кабинет! Немедленно!

Вероника, словно подхваченная невидимым вихрем, вылетела из библиотеки, оставив после себя лишь легкий шлейф испуга. Антонина Александровна закрыла глаза, приложив ладони к вискам, пытаясь взять себя в руки, собрать рассыпающиеся силы.

-Оля, почему ты позволила комиссии зайти сюда и увидеть это? – ее голос стал тише, но от этого не менее напряженным. – Ты же знаешь, как они придирчивы. Ты должна была предвидеть...

-Я не знала… - затараторила завуч, ее голос был полон растерянности и страха, но директриса ее прервала, не давая

возможности оправдаться.

-Ты должна знать! – прикрикнула она, и в этом крике звучала вся тяжесть ответственности, которую она несла.

В этот момент в библиотеку медленно кто-то вошел. Сначала я не поняла, кто это, мой взгляд был прикован к напряженным фигурам директрисы и завуча.

-Здравствуйте, - услышала я знакомый голос. – В библиотеку ведь можно?

Наконец, парень вошел в поле моего зрения, и я увидела Игоря. Видимо, он услышал крики из коридора, которые доносились даже сквозь закрытые двери, и теперь, почувствовав неладное, неуверенно проходил мимо. Он бросил на меня быстрый, вопросительный взгляд, а затем его глаза остановились на горе книг, лежащих на полу, словно на немом свидетельстве произошедшего. Он смотрел на нее с каким-то странным выражением, словно на надгробный камень, символизирующий что-то безвозвратно утерянное.

-Соловей, - произнесла Антонина Александровна, словно о чем-то размышляя, ее взгляд был устремлен куда-то вдаль, в прошлое или в будущее. Затем, словно пробудившись от своих мыслей, она резко повернула голову в мою сторону, и ее взгляд, остановился на мне. – Синицина.

-Да, вы двое. Вы ведь у меня одиннадцатиклассники, - задумчиво протянула директриса, словно только что осознала этот факт, хотя мы были ее учениками уже не первый год. В ее голосе звучала нотка усталости, смешанной с какой-то

новой, внезапной решимостью.

-Да, - Игорь ответил протяжно. Директриса, казалось, все еще витала в облаках своих мыслей, ее взгляд скользил по стенам библиотеки, по пыльным полкам, не задерживаясь ни на чем конкретном. Но вдруг, словно молния пронзила ее, ее осенило, и она резко вернулась в реальность.

-Ситуация чрезвычайная, как вы видите. Этот… этот бардак - она махнула рукой на гору книг, - должен быть приведён в человеческий вид к завтрашнему утру. Иначе мне голову оторвут. Вам понятно? - В ее голосе прозвучала нотка отчаяния, смешанная с угрозой.

Мы с Игорем переглянулись, в глазах читался немой вопрос: «Что происходит? И почему именно мы?» Я уже готова была взорваться возмущением, почувствовав несправедливость ситуации, но Игорь опередил меня, пытаясь найти хоть какой-то выход.

-Антонина Александровна, у нас учеба и мы сюда пришли готовиться к уроку. А это, - он снова бросил взгляд на книжный Эверест, потупив глаза от его головокружительной высоты, – это просто колоссальная работа. Мы не можем просто так…

Директор медленно выдохнула, словно пытаясь успокоиться. Ее взгляд стал острым, расчетливым. Она обвела нас обоих взглядом, словно взвешивая наши возможности, наши слабости, ища тот самый рычаг, который сможет нас сдвинуть с места.

-Хорошо, давайте на чистоту. Завтра в девять утра придёт комиссия для повторной проверки ГОРНО. И там они уже церемонится не будут. Если увидят это, нашему учреждению не видать финансирования на новый компьютерный класс. А оно нам всем, между прочим, очень нужно.

Я опустила взгляд, чувствуя, как надежда на отказ тает. Выхода не было. Эта гора книг казалась непреодолимой, а директриса уже выбрала своих «жертв» и вряд ли отступит. Игорь, кажется, тоже это понял, едва заметно кивнув. Даже если мы сейчас будем настаивать на своем, она наверняка найдет способ нам это припомнить, и это может обернуться для нас еще большими неприятностями.

-Ну и к тому же, я могу освободить вас, например, - директриса задумалась, словно предлагая сделку, и в ее глазах мелькнул лукавый огонек, - от обязательных уроков для одиннадцатиклассников по средам «Разговоры о важном». На месяц.

Эта перспектива прозвучала куда более заманчиво, чем любая другая. Не то чтобы сами «Разговоры о важном» были чем-то ужасным, но их содержание и ведущие оставляли желать лучшего. То вел учитель ОБЖ, который с энтузиазмом рассказывал о правилах поведения при ядерном взрыве, то появлялся какой-то странный мужчина, дядя Коля, который, казалось, просто любил поговорить о жизни, то и вовсе приходили какие-то случайные люди с улицы, чьи истории мало кого трогали. Поэтому, услышав предложение дирек-

тора, я, не раздумывая, тут же закивала, чем вызвала удивленный взгляд Игоря. Он, видимо, еще пытался осмыслить всю абсурдность ситуации и не успел переключиться на поиск выгод. Либо его Питерские «Разговоры о важном» отличались от здешних, и он еще не в полной мере понял, что это такое. Я лучше лишних два часа посижу за учебниками, чем на этих уроках.

Я снова посмотрела на Игоря. Его лицо было непроницаемым, но я видела, как напряжены его плечи. Он явно взвешивал все «за» и «против», и, судя по всему, пришел к тому же выводу, что и я: сопротивление бесполезно, а предложенная «сделка» слишком выгодна, чтобы от нее отказываться.

-Хорошо, Антонина Александровна, – наконец произнес Игорь, его голос звучал ровно, без тени прежнего протеста. – Мы поможем. Но… как именно вы видите нашу помощь? Это ведь не просто расставить книги по полкам, это, кажется, целая инвентаризация.

Директор кивнула, словно ожидала такого ответа.

-Именно. Мне нужно, чтобы вы разобрали все эти книги, составили список, внесли в картотеку, отсортировали по предметам и, если найдете что-то устаревшее или поврежденное, составили отдельный список для списания. Это займет время, я понимаю. Но я уверена, что вы, как лучшие ученики, справитесь с этой задачей.

Я почувствовала, как внутри меня что-то сжалось. Захотелось сказать «Жесть», как та молодая библиотекарь. Ин-

вентаризация. Списание. Это звучало как настоящая работа, а не просто помощь. Но, с другой стороны, месяц без «Разговоров о важном» – это действительно ценный приз. Я посмотрела на Игоря, и он, словно прочитав мои мысли, едва заметно кивнул. Мы были в одной лодке, и нам предстояло вместе пережить эту книжную бурю.

-Мы сделаем все, что в наших силах, Антонина Александровна, – сказал Игорь, и в его голосе, несмотря на всю сложность задачи, прозвучала нотка решимости. Я тоже кивнула, чувствуя, как на меня наваливается тяжесть предстоящей работы, но одновременно и облегчение от того, что мы нашли выход из этой непростой ситуации.

-Я в вас верю, - голос директора прозвучал неожиданно твёрдо, словно она пыталась убедить не только меня, но и саму себя. Она уже собиралась обернуться и уйти, но, словно спохватившись, остановилась. – Я распоряжусь, чтобы вам принесли какой-нибудь паёк сюда, чтобы вы могли перекусить. Голодным работать тяжело.

Ольга Борисовна, которая всё это время стояла за директором, словно приклеенная к её тени, тоже зачем-то кивнула, её лицо оставалось непроницаемым. Затем они обе, оставив нас наедине с этой абсурдной ситуацией, вышли, и дверь за ними тихо щелкнула.

Я закрыла тетрадь и вложила её в учебник. Вздохнув, я встала и подошла к Игорю. Он, как и прежде, безнадежно смотрел на эту гору книг.

-Думаю, для начала нужно их хотя бы стопками сложить, – сказала я, скорее для себя, чем для него, пытаясь найти хоть какой-то порядок в этом беспорядке. Сев на корточки, я начала аккуратно собирать тома в стопки по три-четыре книги и класть их на ближайшую парту. Каждая книга казалась тяжелее предыдущей, и я чувствовала, как напрягаются мышцы.

-А я просто хотел получить учебник по географии, – вздохнул Игорь, всё ещё стоя на месте, словно застывший в своих мыслях. Его голос звучал так, будто он говорил о чём-то совершенно несвязанном с нашим нынешним положением.

Я повернула голову, посмотрела на Игоря снизу-вверх, немного выжидая, пока он наконец обратит на меня внимание. Когда наши взгляды встретились, в его глазах будто начало проявляться осознание, что он здесь не один, что есть ещё кто-то. Я метнула взгляд на кучу книг, словно говоря: «Поможешь?». Лишь на мгновение я заметила, как он покраснел, смущенно понимая, что его отстранённость была неуместна.

-Я не думаю, что всё так плохо, - попыталась я мыслить позитивно, хотя внутри меня боролись сомнения.

Минут за десять мы погрузили все книги в стопки. Теперь они возвышались на партах, аккуратные и ровные, но уже хотя бы не напоминали ту самую апокалиптическую гору из рассказа Брэдбери, которая грозила поглотить всё вокруг.

-Уверена, что мы управимся быстрее, чем школу закроют, - добавила я, пытаясь разрядить напряжение лёгкой шуткой.

Моя шутка, кажется, понравилась Игорю. Он тихонько посмеялся, и это был первый звук, который нарушил гнетущую тишину, и я удовлетворённо подошла к компьютеру, который стоял на библиотекарском столе, покрытый тонким слоем пыли. Экран был тёмным, словно спящий зверь, ожидающий пробуждения.

-У тебя как с компьютерами? – поинтересовалась я, смотря на рабочий стол. Для меня, выросшей в доме без компьютера, единственным моим опытом взаимодействия с этой техникой было умение печатать на клавиатуре и нажимать на кнопку «печать», чему меня научила добрая пожилая библиотекарь, работавшая в школе до этого. Всё остальное было для меня тёмным лесом.

-Давай посмотрю, - ответил Игорь, и его голос звучал уже не так безнадёжно, как раньше. Он подошёл сбоку, его плечо почти касалось моего, и взял в руки мышь. Пальцы его ловко скользили по коврику, открывая какие-то папки, которые для меня были лишь набором непонятных символов. Мне стало не очень комфортно от такой внезапной близости, от ощущения его дыхания где-то рядом. Поэтому, сделав вид, что мне нужно проверить книги на партах, я отошла на безопасное расстояние, стараясь не выдавать своего смущения.

-Кажется, я нашел нечто похожее на базу книг этой библиотеки, – неуверенно сказал Игорь, его взгляд метался по

экрану, а на лице читалось легкое замешательство. – Но тут явно не все книги. Есть предположение, что предыдущий библиотекарь решила не заниматься этим всем в компьютере, а по старинке вела учет вручную, – он неопределенно махнул рукой в сторону массивного стеллажа, возвышавшегося за его спиной.

Я проследила за его жестом и взглянула на этот стеллаж, уставленный бесчисленными ящичками, каждый из которых был украшен пожелтевшими бумажками с надписями. В этот момент я была абсолютно уверена, что Игорь прав. Вряд ли та пожилая женщина, чьи руки, казалось, помнили каждую книгу, стала бы переводить все эти карточки в цифровой формат. Это потребовало бы не одного месяца, проведенного в уединении с компьютером, что для человека в ее возрасте было бы, мягко говоря, затруднительно.

-Ты сможешь плюс-минус структурно засунуть новые книги в эту базу? – спросила я, перелистывая очередную книгу, которую только что достала с полки. На обложке красовалось название: «Биология».

-Думаю, да, - Игорь улыбнулся, словно погрузившись в свои собственные, неведомые мне мысли. Он поднял взгляд, и его глаза задержались на мне чуть дольше обычного. Это было настолько неожиданно, что я невольно удивленно на него посмотрела.

-Тогда давай начнем с сортировки по предметам, а потом я буду тебе диктовать, а ты – вносить информацию в базу, –

предложила я, откладывая следующую книгу в одну из уже начатых мною стопок.

-Окей, Синичка, - весело отозвался Игорь, подходя к соседней парте и беря в руки книгу. Я закатила глаза, но не смогла сдержать легкой улыбки.

-Ты прекрасно знаешь как меня зовут.

-Знаю, - подтвердил Игорь, его губы растянулись в ехидной, но какой-то очень теплой улыбке. – Мне просто нравится тебя так называть. Ты против?

-О Боги, - я снова закатила глаза, переходя к следующей стопке книг, пытаясь скрыть нарастающее смущение. – Мне вообще наплевать. Это даже не обидно.

-У меня нет цели тебя обидеть, - вдруг сказал Игорь, и его голос стал удивительно серьезным. Я подняла на него взгляд, и наши глаза встретились. – Просто нравится, что больше никто тебя так не называет, – он снова озорно улыбнулся, и в его глазах мелькнул озорной огонек.

В этот момент мне стало как-то душно, словно воздух в библиотеке внезапно стал гуще. Щеки снова залил предательский румянец, и, цокнув языком, я попыталась скрыть это смущение под маской полного безразличия. Однако, несмотря на все мои усилия, в груди разлилось такое непривычное, теплое чувство, что я невольно замерла. Даже дома меня никто никогда не называл ласково, не придумывал для меня никаких особенных прозвищ. Отец иногда рассказывал, что когда Кристина была совсем маленькой, он звал ее

«Кудряшка». Мне всегда казалось это таким милым и трогательным. А меня всегда и все звали просто Настя.

Мельком взглянув на Игоря, я заметила, что его улыбка никуда не делась, и, почувствовав, как тепло разливается по всему телу, я тоже улыбнулась в ответ.

Глава 6.

В библиотеке время текло странно. Первые два часа пролетели незаметно. Ученики, заглядывавшие в начале, быстро сбежали, увидев нас за работой. Мы успели пересчитать и рассортировать чуть больше сотни книг. Сто с небольшим – не так уж и много, но когда началось внесение в электронную базу, каждая минута стала тянуться, как густой, липкий мёд. Игорь пытался разбавить монотонность шутками, и я сначала поддерживала его, но усталость быстро взяла верх, и мои силы иссякли.

Первые два часа шли довольно быстро. В первый час ещё заглядывали ученики, но видев нас за делом, разворачивались и уходили. Мы пересчитали и рассортировали все книги, которых оказалось немного больше сотни. А вот когда дело пошло за внесением их в базу, минуты стали тянуться как мёд. Игорь пытался внести в пребывание веселость и я даже поддерживала его в этом, однако сил хватило не на долго. Однако когда часы показали шесть часов вечера в библиотеку зашла работник буфета, принеся нам большой пакет с булочками, а так же 2 термоса чая.

Когда стрелки часов неумолимо приблизились к шести вечера, в библиотеку вошла сотрудница буфета. Ее появление было подобно спасительному маяку в море усталости. В руках она держала большой пакет с ароматными, еще теплыми

булочками, а рядом стояли два термоса с дымящимся чаем. Школа опустела, окна давно погрузились в бархатную темноту, и только тусклый свет лампы над нашей партой освещал наше скромное убежище. Мы сидели бок о бок, уплетая булочки с сочной курагой, запивая их горячим, обжигающим чаем. Я украдкой поглядывала на Игоря, пытаясь понять, как же так получилось, что именно нам выпала эта, казалось бы, не самая завидная участь – провести вечер в компании старых книг. Еще утром я и представить не могла, что окажусь в подобной ситуации, погруженная в тишину и запах пыли.

Внезапно тишину нарушил мелодичный звонок телефона Игоря. Разговор был коротким, всего около минуты. Судя по обрывкам фраз, он лишь успел предупредить маму, что задерживается в школе по какой-то «общественной деятельности». После того, как он отключился, его взгляд остановился на мне.

-А тебе не нужно позвонить родителям, предупредить где ты? - спросил он, и в его голосе прозвучала нотка искреннего беспокойства.

Я достала из рюкзака свой телефон и с досадой показала ему его безжизненный экран. Арина, моя младшая сестра, снова ночью утащила его поиграть, и к одиннадцати утра, несмотря на короткую утреннюю зарядку, он полностью разрядился.

-Оу, - Игорь слегка удивленно посмотрел на безжизненную коробочку в моей руке. – А родители не будут волно-

ваться?

Я цокнула языком, выражая свое разочарование, и покачала головой, убирая телефон обратно в сумку. Мама… она, похоже, снова погрузилась в свой мир, где алкоголь стирает границы реальности, и где я, ее дочь, просто не существую. Отец же и вовсе не в курсе, где находится его старшая дочь, чтобы беспокоиться. Он приходит с работы поздно, ближе к одиннадцати вечера, уставший и молчаливый. Так что, по сути, всем глубоко безразлично, где я и с кем сейчас нахожусь. Эта мысль, словно ядовитый плющ, обвила мое сердце, и сладкая булочка вдруг показалась горькой. Я, отложив половину, быстро проглотила остальное, пытаясь заглушить подступившую тоску.

-Мой отец сейчас вообще со мной не разговаривает, - внезапно тихо произнес Игорь, тоже откладывая свою булочку. Я непонимающе посмотрела на него, пытаясь уловить смысл его слов. Игорь нахмурился, словно не очень хотел делиться, но, видимо, что-то подтолкнуло его к этому. - У него проблемы на работе. Крупные проблемы.

Нахмурившись, смотрю на Игоря непонимающе. В голове быстро прокручиваются слова Сабрины о том, что отца Игоря повысили, поэтому они переехали обратно из Санкт-Петербурга. Сабрина, вроде, говорила, что сам Игорь ей об этом сказал. Странно и непонятно.

-Извини, конечно, но мне говорили, что вы переехали, потому что на отца повысили и возложили обязанности за

несколько филиалов в Уральском федеральном округе, - тихо произнесла я, стараясь подобрать слова так, чтобы не обидеть и не показаться бестактной. Я чувствовала себя неловко, словно попала в неловкую ситуацию.

Он резко вскинул голову, его взгляд устремился куда-то в потолок, словно он искал там ответы. Мне стало ужасно стыдно за свою бестактность, и я опустила глаза на свои руки, машинально колупая ногти. В тишине я услышала, как он пару раз глубоко вздохнул и выдохнул, словно пытаясь собраться с мыслями. Робко взглянув на него, я немного расслабилась. Он не злился. Он растерянно качал головой, и в его глазах читалась какая-то глубокая печаль.

-Повысили. Да, - горько усмехнулся он, и эта усмешка была полна горечи. – Особенно тут, в этой дыре, все только об этом и говорят: «Семья Соловей вернулась с повышением», - Он пожал плечами, и в этом жесте было столько усталости. – Как будто мы не сбежали, а с триумфом вернулись.

Меня словно обухом по голове ударили. Сбежали? Неужели всё настолько плохо? Эта мысль пронзила меня, но я не стала копать глубже, не стала задавать уточняющих вопросов, которые могли бы ранить его ещё сильнее. Я не отрываясь смотрела на Игоря, который, избегая моего взгляда, водил пальцем по столу, собирая крошки от булочки, словно они были единственным, что могло привлечь его внимание в этот момент. Его пальцы двигались механически, выдавая внутреннее напряжение.

-А зачем? Зачем всем это говорить, если это не так? - мой голос прозвучал тише, чем я ожидала, почти шепотом.

-Чтобы не жалели, - ответил Игорь, пожав плечами. Его плечи слегка опустились, словно под тяжестью невидимого груза. – Не тыкали пальцами. Чтобы… сохранить лицо. Отцу это важно. А мне теперь приходится это лицо таскать на себе как костюм.

От такой откровенности я поежилась. Такая искренность была для меня совершенно неожиданной. Я привыкла к более поверхностному общению, к маскам, которые люди носят в обществе. Я сжала левую руку в кулак, потому что очень хотелось положить её ему на плечо, выразить поддержку, но я не была уверена, уместно ли это. Да, когда кто-то из девочек делился чем-то личным, я могла так поступить, обнять, утешить. Но с Игорем, чья жизнь казалась такой далёкой от моей, я не была уверена. Это было бы слишком интимно, слишком рискованно.

Что мне ответить? Игорь замолчал, грустно глядя на стол, и я поняла, что нужно что-то сказать, чтобы заполнить эту неловкую тишину. Возможно, я могла бы поделиться чем-то из своей жизни, чтобы показать, что он не одинок в своих переживаниях, пусть и по-другому.

-У меня всё наоборот, – начала я, растирая руки, потому что пальцы пробирала дрожь. Эта дрожь была не от холода, а от волнения. Я ещё ни с кем не говорила о своей ситуации, держала всё в себе, как старую, потрёпанную кни-

гу. Но Игорь с интересом повернул голову ко мне, и в его глазах я увидела проблеск любопытства, хотя я всё ещё не могла смотреть ему в глаза, чувствуя себя уязвимой. – Про наше материальное положение, кажется, все знают. И пальцами не тыкают. По крайней мере, здесь. В прошлой школе было. Там каждый мой шаг, каждый мой вздох обсуждался. Поэтому я, как трусиха, перевелась. Поэтому у меня вместо костюма – потрёпанный халат.

-И… что лучше?

Я слабо улыбнулась и наконец посмотрела Игорю в глаза. В них отражался свет лампы, делая их ещё глубже. Роскошный костюм лжи или потрёпанный халат бедности? Странные метафоры пришли на ум, но они точно описывали наши ситуации.

-Не знаю… – честно ответила я, мотая головой. – Я никогда не носила костюмов. Мой гардероб всегда был более… практичным. – Улыбнувшись шире, я решила разрядить обстановку, почувствовав, что напряжение немного спало. – А тебе не тяжело? Таскать-то этот костюм? Он, наверное, очень тяжёлый?

-Тяжело, - он улыбнулся мне в ответ, но улыбка была немного измученной, словно он устал от постоянного ношения этой невидимой, но такой давящей одежды. – Он, знаешь ли, не только снаружи выглядит безупречно. Внутри тоже всё должно быть идеально. Ни одной ниточки не должно торчать, ни одной складки не должно быть. А это требует

постоянной работы. Постоянного внимания.

Я кивнула, понимая. Мой «потрёпанный халат» тоже требовал своего рода работы. Его нужно было уметь носить так, чтобы он не выглядел совсем уж жалким. Нужно было находить в нём какую-то свою, пусть и скромную, красоту. И, главное, не позволять ему стать оправданием для всего

-Надо его в чемоданчике возить. На колёсиках, - прищурившись, сказала я, смотря куда-то вдаль, делая вид, что продумываю какой-то гениальный план. – На колёсиках. Чтобы легче было. И чтобы можно было его иногда проветривать.

Игорь рассмеялся, и на этот раз его смех был более искренним, без тени горечи.

-Спасибо, что подсказала. Завтра спрошу у отца где он берёт чемоданы для своих костюмов. Может, у него есть какая-то специальная мастерская.

Мы засмеялись от абсурда этой мысли. Я толкнула его плечом, чувствуя, как между нами пролегла тонкая ниточка понимания. Это было странно, но приятно.

-Давай доедим, и будем продолжать работу, - сказала я, кивая в сторону недоеденного пирожка. Взяв свой, я откусила большой кусок, и уже с набитым ртом добавила: - А то так и до утра не успеем.

Игорь кивнул в знак согласия, и, вернувшись к своему перекусу, снова погрузился в свои мысли.

Позже, когда работа уже клонилась к концу, Игорь вклю-

чил музыку на телефоне. Мелодия, легкая и ненавязчивая, словно развеяла остатки усталости, и работа пошла веселее, открылось второе дыхание. Я чувствовала, как энергия наполняет меня, и последние книги находили свое место на полках с удивительной легкостью. К тому времени, когда я поставила последнюю книгу, на часах было уже половина девятого вечера. Запихнув в сумку книгу с тетрадью, я закинула её на плечо и оглядела библиотеку. Теперь здесь царил идеальный порядок, такой, к которому не должен кто-то докопаться.

-Осталось до завтра выспаться, - с облегчением сказал Игорь, когда мы вышли на свежий воздух и одновременно сделали большой вдох. Морозец приятно щипал щёки, но это было приятное ощущение после нескольких часов в закрытом помещении, словно город выдохнул вместе с нами.

-Ну времени достаточно, я думаю, - ответила я, и мы прошли по дорожке к калитке, где Игорь придержал для меня, чтобы я прошла. Прямо возле калитки стояла большая, черная, блестящая машина с включенными фарами, от которых я прищурилась. Очевидно, это кто-то из родителей приехал за Игорем. – Ну давай. До завтра.

Я помахала ему рукой и уже было развернулась, предвкушая тихий вечер дома. Но Игорь окликнул меня:

-Подожди, - Мне пришлось крутануться обратно, чувствуя легкое разочарование. – Садись в машину, мы тебя докинем.

-Да нет, - начала крутить головой и руками я, чувствуя, как внутри нарастает неловкость. – Мне идти вообще недалеко. Я добегу. - Я действительно не хотела создавать проблем, да и сама мысль о том, чтобы ехать в машине с незнакомой женщиной, вызывала легкое волнение.

-Нет же, - настаивал Игорь, протянув ко мне руку. Я нахмурилась, посмотрев на неё. Его настойчивость была обезоруживающей. – Идём.

Моя решимость начинала таять, но я не могла так. Я должна была сопротивляться, сохранить свою независимость. Однако, внезапно, стекло с водительской стороны опустилось, и оттуда выглянула женщина.

-Давайте оба прыгайте в машину быстрее, то здесь парковаться запрещено. Ещё чуть-чуть и меня эвакуируют, - сказала мама Игоря, её голос звучал немного напряженно, но в нем не было злости. Поджав губы, я всё-таки взяла Игоря за руку и пошла за ним. Открыв дверь, он дождался пока я заберусь на заднее сидение, закрыл за мной дверь, а потом обежав машину, плюхнулся рядом.

-Привет, мам, - бросил Игорь, стягивая шапку. Женщина быстро бросила свой привет, её взгляд на мгновение задержался на мне, и она начала движение. – Познакомься, это моя одноклассница Настя. Она раньше не ходила в нашу школу.

-Да? – удивлённо протянула мать Игоря, поглядывая на меня в зеркало заднего вида. Её глаза, хрустально-голубые в

черном ободке, казались пронзительными. Глаза Игорю однозначно достались ему не от неё. Её волосы, возможно крашенные, уходили больше в каштановый. Было заметно, что женщина жила в достатке: дорогая машина, шуба (явно натуральная), макияж сделан будто профессионалами. Я почувствовала себя немного неуютно в своей простой куртке.

-Здравствуйте, - негромко пробормотала я, сглатывая. Я старалась не смотреть ей в глаза, чувствуя себя под пристальным вниманием.

-Адрес то какой? – спросила она, всё так же прожигая меня взглядом теперь напрямую, потому что мы стояли на светофоре. Её взгляд был изучающим, словно она пыталась прочитать меня как открытую книгу.

-Комсомольская 19, - пробормотала я, бросая короткие взгляды на Игоря, который будто не замечал напряжения и того, что мама очень внимательно на меня смотрит. Он, казалось, был погружен в свои мысли, или просто привык к такому вниманию со стороны матери.

-Хм… - хмыкнула она, явно удивившись. У меня по спине пробежал озноб и совсем не от холода. Это было странное ощущение, словно я попала в какую- то невидимую игру, правила которой мне были неизвестны. – Интересно. А какую школу ты раньше посещала? Третью? - её голос звучал ровно, но в нем чувствовалась какая-то скрытая интонация, которую я не могла уловить.

-Угу, - коротко кивнула я, жалея, что вообще согласилась

сесть в эту машину. Каждый её вопрос, каждый взгляд казался мне проверкой, испытанием. Я чувствовала себя неуверенно, словно была под микроскопом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.